

В.С. Высоцкий

Мой Гамлет

Я только малость объясню в стихе —
На все я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе —
В поту и в нервах первой брачной ночи.

Я знал, что отрываясь от земли, —
Становимся мы жестче и суровой;
Я шел спокойно, прямо – в короли
И вел себя наследным принцем крови.

Я знал — все будет так, как я хочу,
Я не бывал внакладе и в уроне,
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы — короне.

Не думал я над тем, что говорю,
И с легкостью бросал слова на ветер, —
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
Как оспую болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучил стремями.

Я знал — мне будет сказано: «Царуй!» —
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжжет.
И я пьянел среди чеканных сбруй,
Был терпелив к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутком, —
Шут мертв теперь: «Аминь!» Бедняга Йорик!..

Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий:
Вдруг стало жаль мне мертвого пажа,
Я объезжал зеленые побеги...

Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых и гончих,
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел – наши игры с каждым днем
Все больше походили на бесчинства, –
В проточных водах, по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век и люди в нем
Не нравились, — и я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный как паук,
Все постигал: неподвижность и движенье, —
Но толку нет от мыслей и наук,
Когда повсюду — им опроверженье.

С друзьями детства перетерлась нить,
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами — «быть, не быть»,
Как над неразрешимую дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед,
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошел на зов, — сомненья крались с тылу,
Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

А мой подъем пред смертью — есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравнивал
С тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на Датскую корону, —
Но в их глазах — за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред,
В рожденье смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

1972